

ПРОТОПОП АВВАКУМ — ПРОТЕСТАНТ ВОСТОЧНОГО ОБРЯДА?

У них была реформация, а у нас
нечесаный поп Аввакум.
В.В. Розанов

ВВЕДЕНИЕ

Для подавляющего большинства людей понятие «церковная реформация» связано с такими именами, как Лютер, Кальвин, Цвингли и, в лучшем случае, еще с несколькими яркими религиозными деятелями Запада. На православном же Востоке висит ярлык полной духовной и богословской стагнации. Однако справедливо ли это?

Действительно, восточная Реформация не достигла таких грандиозных результатов, как западная, но это отнюдь не означает, что голос протеста здесь не звучал. На протяжении всей 20-вековой истории христианства в православии были люди живой веры, готовые отдать жизнь за евангельские истины. Поэтому я считаю, что это явление заслуживает пристального внимания исследователей ради восстановления простой исторической справедливости и для определения перспективы реформирования православной церкви сегодня.

В данной работе мы попытаемся осветить жизнь, деятельность и роль противоречивой и спорной личности протопопа Аввакума (1620 — 1682). Для осуществления этой нелегкой задачи мы сфокусируем внимание на основных событиях и исторических персонажах, взаимосвязанных с неординарным отцом движения старообрядцев, чтобы получить максимально объективную картину. Современному человеку нелегко представить себе, чем руководствовались люди с менталитетом средневековой Руси. Вот почему нам придется тщательнее отобразить исторический контекст и окружение нашего героя.

Данное исследование не является биографией, но представляет собой краткий обзор основных событий жизни Аввакума и анализ его трудов. В результате мы попытаемся выяснить, в чем заключалось вли-

яние жизни протопопа на историю Русской православной церкви. Отрицать это влияние представляется, по меньшей мере, несерьезным, поскольку в Раскол за Аввакумом ушло до трети всего населения России, и вряд ли имеет смысл спорить с тем, что события XVII века отразились даже на событиях новейшей истории Российского государства, например исход революции 1917 года. Вот почему противники Аввакума обычно называют его виновником и идеологом Раскола, а также инициатором массовых самосожжений, пронесшихся по стране в конце XVII — начале XVIII века.

Или же все-таки правы исследователи, которые сравнивают Аввакума с Лютером и Кальвином на Западе и Магометом на Востоке? Кто он: консерватор и близорукий поборник старины или прогрессивный реформатор, готовый умереть за свои идеи? Экстремист-фанатик или святой?

1. ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ АВВАКУМА

Надо всему было быть, как было.
Протопоп Аввакум

1.1. Время и страна Аввакума

Аввакум Петрович Кондратьев...

Для каждого человека у Бога есть свой удивительный план. Безусловно, не случайно Он задумал поместить именно этого, на первый взгляд, простого русского мужика в кипучий котел непонятной всему миру страны. В XVII веке Московия претерпевала небывалые преобразования. Это был век масштабных военных действий: с Речью Посполитой, Швецией, Турцией и Крымским ханством. За счет успешных войн, мудрой политики и смелых исследовательских экспедиций это столетие принесло беспрецедентный в истории России территориальный рост: и без того не малое государство увеличилось более чем в два раза. Восточная Украина, Юг Сибири, необозримые Дальневосточные просторы от Енисея до Чукотки — это лишь самые лакомые и солидные части прироста. Но, к сожалению, это также был век постоянных народных волнений внутри Российского государства: городские восстания, Медный бунт, крестьянская война Степана Разина и, наконец, сам Раскол.

Тем не менее варварская, по европейским меркам, страна не стояла на месте и в культурном отношении. Бурно развивались просвещение, литература, архитектура и живопись. «Уложение» 1649 года явилось долгожданным и решительным сдвигом в области законодательства. Однако при этом жители зарождающейся империи пребывали в мучительных и напряженных духовных поисках. Особенно это было связано с

обострившимися эсхатологическими настроениями и страхами вокруг надвигающегося 1666 года. Такие брожения в умах имели место по всей Европе, однако, согласно древнеславянской литературе, в которой с XIII века обсуждалась тема о гибели земли русской, именно в это время Руси предстояло пройти решающее испытание.

Вот почему данный исторический период поистине переломный. Аввакуму же именно здесь и сейчас предстояло проявить всю мощь своего духа: между смутным временем после правления Ивана Грозного и радикальными реформами Петра Великого.

1.2. Становление Аввакума

О жизни протопопа мы в основном знаем из его автобиографии, которую он написал по настоянию старца Епифания. «Житие протопопа Аввакума им самим написанное»¹ представляет собой высокохудожественный литературный и надежный исторический источник. Даже знаменитый православный историк Макарий (Веретенников)², хотя и упрекает Аввакума во лжи и раскольничестве, но о его времени предпочитает повествовать в основном именно по «Житию», часто приводя пространные цитаты. Известны три редакции основного труда Аввакума, над которым он работал с 1672 по 1676 год, но только первая сохранилась в автографе.

Родился Аввакум в 1620 году в селе Григорово Нижегородской губернии в семье священника. Что было совсем не удивительным даже в поповской среде, его отец Петр Кондратьев зависел от «пития хмельнаго»³, поэтому воспитанием детей занималась мать, Мария, женщина благочестивая и достаточно грамотная. Под ее влиянием Аввакум с раннего детства впитал известную тягу к аскетизму, но при этом и книжность. Овдовев, Мария приняла иночество и стала называться Марфой.

В 1641 году Кондратьев-младший начал свое официальное служение в церкви, став дьяконом. К тому времени он уже женился на своей односельчанке, сироте Анастасии. С этих пор приоритеты в жизни Аввакума были расставлены определенно: главенствующее место заняло служение Богу, а второе — дорогая его сердцу семья. Он был очень хорошим семьянином. В «Житии» и письмах Аввакума прекрасно видно его трепетное отношение к детям и жене, которую он ласково называл

¹ Все цитаты из «Жития Протопопа Аввакума» сделаны по «Изборнику» (Сборник произведений литературы древней Руси. М.: Худ. лит. 1969).

² См.: Макарий. История Русской Церкви. М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1996. Т.7.

³ Аввакум. С.630.

Марковной. Но при этом Аввакум был очень дисциплинирован и требователен к себе и окружающим. Вот как он описывает свой обычный распорядок дня:

Паки начинаю начало правилу поклонному: Боже очисти мя и молитвы; и проговоря Верую и огонь погасим, да и я, и жена, и иные охотники нуже пред Христом кляняца в поте кахтех: я 300 поклонов, 600 молитв Иисусовых, да сто молитв Богородице, а жена 200 поклон, да 400 молитв, понеже робятка у нее пишат... В рядовые дни заутреня в 4 часа, а полиелеон в 5 часов, а в Воскресенье всеношное в 10 часов. После заутрени причастное правило час говорю сам. И отпев обедню, час поучения чту. После обеда часа два усну, и встав книги до вечерни чту, сидя один⁴.

«Житие» изобилует описаниями видений, исцелений, изгнаний бесов и других чудес, которые, согласно Аввакуму, сопровождали его всю жизнь. Но в данной работе мы будем касаться лишь важнейших событий, которые помогут в какой-то мере воссоздать его образ, чтобы сформировать к нему максимально объективное отношение читателя.

1.3. Начало служения

В возрасте двадцати трех лет Аввакум был поставлен священником в селе Лопатицы. Сразу он начинает активную миссионерскую деятельность среди своей полуязыческой паствы. Его борьба с бездумным обрядоверием, безграмотностью и пьянством была решительной и не всегда ограничивалась только нравоучительными проповедями в храме. Иногда словами, а порой и нетерпеливым принуждением к благочестивой жизни он не только приобрел себе единомышленников, но и быстро нажил обильное количество врагов.

Так как его деятельности стали противиться и власть имущие, а именно некий местный начальник Иван Родионович, дело дошло до того, что в 1646 году Аввакум претерпел первые жестокие гонения. Его избивали в его же доме и даже во время службы в храме, волоча «за ноги по земле в ризах», и дважды стреляли в него. «До смерти задавили»⁵, как писал позднее Аввакум об этом периоде своей жизни. Вскоре этим же начальником он был лишен имущества и изгнан.

Аввакум бежит в Москву, где находит покровительство царского духовника Стефана Вонифатьева и Ивана Неронова, которые были видными членами так называемого кружка ревнителей благочестия, с деятельностью которого мы подробнее познакомимся ниже.

⁴ Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения (ЖПАИСН). М.: ГИХЛ, 1960. С.243.

⁵ Аввакум. С.631-632.

На некоторое время Аввакум возвращается в Лопатицы, но в 1648 году снова изгнан оттуда и появляется в Москве. Здесь он пробыл до 1652 года и стал принимать активное участие в преобразовательных работах столичных реформаторов, которых иногда называют «русскими пуританами»⁶. Разумеется, влиятельные движения такого рода не возникают на пустом месте, и Аввакум «вошел в труд» кружка деятельных священнослужителей, уже сформировавшегося в центре. Для того чтобы читатель мог живо представить себе, как зарождалось русское духовное возрождение XVII века, мы совершим небольшой экскурс в историю.

2. КРУЖОК РЕВНИТЕЛЕЙ БЛАГОЧЕСТИЯ

2.1. Возникновение движения

Основателем и лидером движения боголюбцев был протопоп Иван Неронов, в монашестве — старец Григорий. Родился он приблизительно в 1590 году под Вологодой. В течение XV и XVI веков монахи этого района России, обычно известные как заволжские старцы, славились не только своей умозерцательной жизнью и мистической традицией, но и пионерской работой по освоению русского севера. Семья Неронова, очень вероятно, погибла в результате нападения одной из многочисленных в те годы польских, литовских и запорожских бродячих банд.

После своих обличительных проповедей в родном селе Никольском-Соболеве и в самой Вологде он был вынужден бежать от обрушившихся на него преследований общественности, поскольку ни священники, ни клир, ни прихожане церковью не хотели переносить его резких обличений. Оттуда он отправился в подмосковный монастырь Святой Троицы (с 1744 г. — Троице-Сергиева лавра) — самый значительный религиозный центр России в XVII веке. Здесь он изучает богословие и, что не менее ценно, проходит духовную школу у настоятеля лавры архимандрита Дионисия.

Иван Неронов представляет для нас особый интерес, поскольку был лидером одной из самых прогрессивных групп в рамках православия, которой и являлись ревнители благочестия⁷. Думаю, С.А. Зеньковский без особого преувеличения назвал его «отцом русской реформации».

⁶ Поспеловский Д.В. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР. М.: Библийско-богословский ин-т св. ап. Андрея, 1996. С.85.

⁷ См.: Живов В.М. Разыскания в области истории и предьстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. С.329-330.

Из лавры Иван направляется в Нижний Новгород, где продолжает свои выступления не только против безнравственности простых прихожан, но и распушенности бояр. После ссылки, в которую его отправил воинственный патриарх Филарет, авторитет бывшего ученика Дионисия так растет, что в 1636 году объединившаяся вокруг него, видимо, влиятельная группа из девяти нижегородских протопопов и священников решается давать советы самому патриарху. Они подали Иоасафу, преемнику Филарета, «память» (доклад), в которой обрисовывают печальную картину русских церковных нравов и просят принять меры для поднятия благочестия и спасения находящегося в опасности православия. Интересно, что патриарх не наказал их за мятеж и смелость, а согласился с ними и последовал их совету.

Одновременно или вслед за Нижним Новгородом по всей стране — в Пскове, Калуге, Вологде, Суздали и других городах России — растет религиозное напряжение, со всех сторон видны признаки нового, мощного религиозного движения.

Ситуация для приверженцев «веры Неронова» значительно улучшилась с воцарением в 1645 году Алексея Михайловича. «Никогда в истории России идеал православного царства не был так дорог царю и так активно не претворялся в жизнь, как в первые годы царствования Алексея»⁸ — Тишайшего (1645 — 1652), как его позже прозвали в народе. На тот момент ему было всего-навсего 15 лет, поэтому не удивительно, что он попал под влияние близко стоявших к нему людей. Это был пожилой и мудрый дядя царя боярин Морозов, царский духовник Стефан Вонифатьев и близкий друг юного Алексея молодой Федор Ртищев. Все трое были твердо преданными церкви и подлинно верующими людьми, для которых вера была частью их личной жизни.

В 1647 году стараниями Ртищева Неронов был переведен из Нижнего Новгорода в Москву, введен в близкий царю кружок и назначен настоятелем храма Казанской Божьей Матери. В это время само окружение царя превращается в нечто похожее на главный штаб движения боголюбцев. В том же году в эту элитную группу вошел и Никон, энергичный игумен Кожеозерского монастыря, представленный царю Вонифатьевым и сразу же покоровший сердце молодого самодержца. По просьбе царя Никон был переведен в Москву и назначен архимандритом Ново-Спасского монастыря, и уже через пять лет он стал патриархом «Всея Руси».

Только в 1648 году в Москву переходит еще один провинциальный ревнитель, Аввакум, где становится ближайшим помощником Неронова.

⁸ Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. М.: Церковь, 1995. С.102.

По иронии судьбы в это время в столице собирались земляки-нижегородцы, для того чтобы в скором будущем сыграть главные роли в трагической истории раскола. Жизнь Аввакума, Неронова, Никона, а также одного из его ответственных помощников, епископа Иллариона, странно переплеталась в их детские и молодые годы. Аввакум, Никон и Илларион были почти соседи по деревне, а Неронов и Никон учились у старца Анания.

Всех членов кружка характеризовали нравственно-аскетическая твердость и чувство неразрывной связи с людьми и миром. Они стояли за сохранение в традиционном и неповрежденном виде русских церковных обычаев и обрядов, ибо русская церковь была, по их мнению, единственной опорой и защитой чистого православия. «Два Рима пали — Москва же, как третий Рим, стоит, и четвертому не быть. Рим католический совратился, Константинополь греческий и все епархии православного Востока больны — там вера православная испроказилась магометанской прелестью от безбожных турок. Лишь Русь сияет совершенным благочестием, как свет солнечный»⁹.

Сам Аввакум на первое место ставил вопрос об «отеческих преданиях», о русскости вообще, с которой связывал бытие всего православия. Ему была близка теория «Москва — Третий Рим» Филофея Псковского. Здесь Аввакум, несомненно, выступал предшественником славянофилов, которые признавали его «истинным представителем религиозной свободы русского народа»¹⁰. Но они, в отличие от Аввакума, во всем винили Петра I, тогда как Аввакум, в силу простой хронологической причины, все беды возлагал на Никона.

2.2. Реформы боголюбцев

По мнению многих писателей того времени, религиозная ситуация на Руси была далека от удовлетворительной. В то время часто омраченные пьянством вбегали священнослужители безобразно в церковь и отправляли службы без соблюдения устава и правил, пели и читали сразу в пять-шесть голосов одновременно, чтобы службу, хотя и непонятную никому из-за такого шума, быстрее окончить. Что и говорить о простом люде, когда таким образом вели себя христианские пастыри?

Аввакум наряду с другими боголюбцами усиленно вводил в православное богослужение устную проповедь, забытую к тому времени в

⁹ Булгаков В.И., Богданов А.П. Бунтари и правдоискатели в Русской Православной Церкви. М.: Политиздат, 1991. С.136.

¹⁰ Замалеев А.Ф. Лекции по истории русской философии. СПб.: Санкт-Петербург. ун-т, 1995. С.76.

России. Иногда он просто читал прихожанам назидательные проповеди особо почитаемых им Иоанна Златоуста и Ефрема Сирина. Установление единогласного (наречного) пения также далеко не везде проходило гладко, но в своих приходах Аввакум давно поставил этот вопрос жестко:

Церковное пение сам же, и чту и пою единогласно и на-речь пою, против печати слово в слово... А обедню, прости, плачючи служу, всякую речь в молитвах разумно говорил, а иную молитву и дважды проговорю, не спешил из церкви бежать, — после всех волокусь. И болящих маслом соборовал — единогласно же пел, и мертвых погребал — единогласно ж пел, и келейное и церковное все единогласно ж правило было у меня, и в пути едучи и пеш идучи — единогласно все. Да не собою я затеял так¹¹.

Характерной чертой боголюбцев была христианская социальность, хотя многие из них представляли монашество. Но одной из своих главнейших задач они видели просвещение государства, добившись заметного прогресса на этом поприще. Первые русские печатные книги были изданы в Москве около 1550 года. Но только с появлением на Печатном Дворе в 1630-х годах друзей Неронова и одновременно учеников все того же архимандрита Дионисия — священника Ивана Наседки и монаха Арсения Глухого — дело заметно пошло в гору. Например, если за первые два десятилетия XVII века русское книгопечатание составило лишь 68 изданий, то в последующие двадцать лет под фактическим контролем Неронова было осуществлено 145 изданий.

Многие опрометчиво приписывают это и другие достижения данного времени энергичному Никону, который, как будет подробнее отражено ниже, фактически уничтожил действительных реформаторов. Этот факт наглядно виден уже только из того, что за время руководства церковью Никоном и сторонниками его «новшеств» книгопечатание резко падает. При этом надо помнить, что большинство книг, изданных после 1654 года — начала никоновских «реформ», не пополняли книжные запасы русских церквей и школ, но главным образом заменяли прежние издания, которые теперь уничтожались.

Работа Печатного Двора, особенно развившаяся в период господства там сторонников движения «церковного возрождения», лучше всего характеризует их взгляды на просвещение и образование. Книги издавались десятками и сотнями тысяч, и их дешевизна — букварь стоил одну копейку — несомненно, способствовала распространению грамоты¹².

¹¹ ЖПАИСН. С.271.

¹² См.: Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. С.95.

Таблица грамотности населения России во второй половине XVII века¹³

<i>Сословия</i>	<i>Количество грамотных мужчин</i>
Белое духовенство	100 %
Монашество	75 %
Дворянство	65—78 %
Купечество	75—96 %
Посадские	23—52 %
Крестьяне	Около 35 %

Почетное место среди читаемых и издаваемых боголюбцами книг занимали творения Иоанна Златоуста и богословские труды Максима Грека. У первого они учились воспитывающей паству проповеди и высокому уровню нравственности, а у второго заимствовали ясное и логически обоснованное изложение сущности веры. Здесь они могли найти ответы и на другие волновавшие ревнителей темы и проблемы: строгое осуждение языческих пережитков, скоморохов, астрологии, конец света, проблему антихриста, соотношение православного мира с инославным и иноверным. Иногда слова Максима Грека касались мелких, но злободневных вопросов (например, бранобрития); иногда он разбирал сложные социальные проблемы, как, например, защиту бедных, ограничение богатства, злоупотребления православного епископата и т.д. И можно сказать, что дух Златоуста и Максима Грека, а может быть, и флорентийского проповедника-аскета Савонаролы, позже передался и последователям боголюбцев, которых теперь называют старообрядцами.

Подготовка людей для сложного дела перевода и издания богослужебных трудов была далека от совершенства. По этой причине правительство и церковь обращают свои взоры к Киеву, где в 1630-х годах появилась Духовная Академия. Непримирымый патриарх Филарет около десяти лет провел в польском плену. По понятным причинам он люто ненавидел все католическое, поэтому даже священников из Малой Руси велел перекрещивать, а катехизис Петра Могилы на соборе архиереев был назван еретическим. Однако время Филарета истекло, и москвичи просят киевского митрополита Сильвестра прислать нужных специалистов. В 1649 году приезжают Епифаний Славинецкий, Арсений Сатановский и Дамаскин Птицкий. Они сразу принимаются за переводы святоотеческой литературы, работают над составлением новых служб и налаживают преподавание греческого языка среди московских монахов и духовенства.

¹³ Таблица составлена по подсчетам А. Соболевского и С. Богоявленского. См.: Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. С.95.

Помимо них в Москве появляется все больше и больше других киевских монахов, южнорусского духовенства, греков, посланцев восточных патриархов, епископов Ближнего Востока и Балкан, которые ищут защиты и денежной помощи русского правительства. В течение каких-то пяти лет (1645 — 1650) Москва вырастает во влиятельный православный центр, к голосу и политике которого прислушиваются и западнорусы и православное население Востока, которое начинает все чаще и чаще смотреть на православную Русь с надеждой на избавление от турок. Этот рост политического влияния и духовных сил России, безусловно, находился в связи с усилением движения боголюбцев, но на этот раз уже в Москве и в самом правительстве.

2.3. Противостояние епископату

Недовольство белого духовенства епископатам, который почти что целиком рекрутировался из черного духовенства — монашества, — было результатом векового взаимного отчуждения и давних горьких чувств среди низшего приходского клира. К концу XVII века около восьми процентов всего населения России находилось под непосредственным управлением епископов и монастырей. Некоторые из числа особо обеспеченных епископов жили богаче самых состоятельных русских аристократов и купцов Морозовых, Юсуповых и Строгановых.

В то же время сельский священник существовал со своей большой семьей на какие-нибудь 30 рублей в год и на небольшие доходы с церковной усадьбы; при этом он выплачивал 10 процентов из этих ничтожных доходов своему епископу. Протопопы являлись теми же приходскими священниками, но были еще обязаны наблюдать за духовенством небольшого церковного округа с несколькими десятками приходов. Фактически их функции были епископско-административного характера, но без доходов, влияния и прав епископов. Население их почитало не меньше, чем самих епископов, а в XIX веке крестьяне считали, что по своему сану протопопы значат не менее архиереев¹⁴. Но материальное положение этих священников, хотя и было лучше положения простых деревенских батюшек, но значительно хуже по сравнению с финансовой обеспеченностью епископов. И при этом они так же, как и простые священники, целиком зависели от епархиального управления, в котором сами не принимали никакого участия. Аппарат епархиального управления фактически находился в руках профессиональных бюрократов из мирян, так называемых «патриарших и архиерейских дворян и детей боярских».

¹⁴ См.: Никольский Н.М. История русской Церкви. М.: Политиздат, 1983. С.91.

Впервые это противостояние стало открытым на соборе 1649 года, где Вонифатьев выступил за интересы своих друзей и против многогласия. Но противникам боголюбцев удалось склонить на свою сторону престарелого патриарха Иосифа, и «дерзкие протопопы» были осуждены. Церковные иерархи даже требовали казни Вонифатьева за то, что тот не побоялся назвать патриарха и епископов «волками» и «губителями церкви».

Как известно, всех боголюбцев объединяло признание главенства над церковью царя. И государь Алексей Михайлович пока не подводил возлагавших на него особые надежды. Он недвусмысленно дал понять, что желает утверждения единогласного пения и осуждения церковной службы, исполняемой одновременно множеством голосов, поющих и читающих разные тексты. Не в силах бороться с окружением царя, московский патриарх отвергал официальную политику унификации обряда на византийский манер как оружие светской власти против русского священства. Пройдет еще немного времени, и Никон должен будет начать свое патриаршество так же с противоборства «грекофилии». Именно при Иосифе создавался прецедент умаления патриаршей и епископской власти, из которого царь и протопопы-боголюбцы впоследствии сделали соответствующие их взглядам, но противоположные по существу, выводы.

Интересно, что собор 1649 года имел место уже после начала реформационного движения в Западной Европе и, возможно, отражал новые веяния в истории европейского христианства. В пользу этого свидетельствует и то, что известный путешественник Олеарий полагал, что Неронов подпал под влияние протестантов и даже приписывал ему сомнения в правильности почитания икон¹⁵.

2.4. Служение Аввакума в Юрьевце

В Юрьевце-Подольском, куда в 1652 году был назначен 32-летний Аввакум протопопом¹⁶, то есть начальником целого церковного округа — протопопии, его проповеди и настойчивое проведение единогласия встретили яростное сопротивление, поэтому он пробыл там всего два месяца.

¹⁵ См.: Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. С.132.

¹⁶ Позднее, в Синодальный период, в ранг протонеря (протопресвитера, в просторечии — протопопа) священник мог быть возведен за безупречную службу в приходе или находясь в церковном управлении в должности благочинного, т.е. преподавателя духовного учебного заведения. См.: Федоров В.А. Русская Православная Церковь и государство: Синодальный период (1700-1917). М.: Русская панорама, 2003. С.35.

Дьявол научил попов, и мужиков, и баб, — пришли к патриархову приказу, где я дела духовные делал, и, вытаща меня из приказа собранием, — человек с тысящу и с полторы их было, — среди улицы били батожем и топтали; и бабы были с рычагами. Грех ради моих, замертва убили и бросили под избойной угол. Воевода с пушкарями прибежали и, ухватя меня, на лошади умчали в мое дворишко; и пушкарей воевода около двора поставил¹⁷.

После того как против него восстали почти все жители города, которых Аввакум «унимал от блудной жизни», подлечив раны, на третьи сутки, ночью он ушел в Москву. Проходя через Кострому, он узнал, что местного протопопа-боголюбца Даниила также постигла участь изгнания¹⁸. Эти события происходили уже под конец жизни патриарха Иосифа, когда Никон, митрополит Новгородский, путешествовал в Соловки для перенесения мощей святителя Филиппа.

3. ПАТРИАРШЕСТВО НИКОНА

Портрет патриарха
Никона. XVIII в.

Российские реформаторы-боголюбцы не видели в Никоне особого превосходства и способностей для того, чтобы продолжить их дело на патриаршем престоле. Аввакум с друзьями просил царя поставить на вакантное место Российского архиерея простого попа Стефана Вонифатьева. Но царский духовник увидел непосильность для себя такого служения, «не восхоте сам»¹⁹, и отказался в пользу мордвина Никона. Даже «апологет» Никона митрополит Макарий утверждает, что тот затаил обиду на своих друзей именно за их старания, направленные против его патриаршества²⁰. Тем не менее государь утвердил его патриархом²¹.

Как же были ошеломлены боголюбцы, узнав о том, что патриарх велел не пускать никого из них на порог своих новых палат. Перед этим Никон предусмотрительно взял клятву с царя и его приближенных слушать патриарха во всех делах церковных беспрекословно. Это было началом конца.

¹⁷ Аввакум. С.633.

¹⁸ См.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1991. Т.13. С.159.

¹⁹ Аввакум. С.634.

²⁰ См.: Макарий. История Русской Церкви. Т.7. С.72.

²¹ В средневековых Германии и Франции епископские кафедры занимались почти исключительно представителями высшей аристократии. В России нижегородский мужик мог стать «великим государем, святейшим патриархом» и совратителем царя. См.: Пушкарев С.Г. Обзор русской истории. СПб.: Лань, 1999. С.211.

3.1. Начало разгрома боголюбцев

Перед самым Великим постом 1653 года повелел патриарх разослать по всем московским церквям свой указ о поклонах и крестном знамении: «По преданию святых апостол и святых отец, не подобает во церкви метания творити на колену, но в пояс бы вам творити поклоны, еще же и тремя персты бы есте крестились»²².

Сделал это Никон, не запросив ни церковный собор, ни посоветовавшись с видными деятелями церкви, то есть совершенно неожиданно и самовольно. Кроме того, указ был против древней традиции и отрицал постановление Стоглавого собора (1551 г.), гласившее ясно: «Иже кто не знаменается двумя персты, яко же и Христос, да есть проклят».

Это был открытый вызов, поскольку этот указ Никон послал первому именно Ивану Неронову в Казанский собор. Не в силах противиться указу патриарха и не желая выполнить его, Неронов на целую неделю скрылся в Чудов монастырь и, запершись, молился. Собор же он оставил не на кого иного, как на бестрепетного Аввакума. Мужество действительно подразумевает не полное отсутствие страха, но способность перебороть его. Вот как негибачаемый протопоп вспоминал о том времени: «Видим, яко зима хошет быти; сердце озябло и ноги задрожали»²³.

В конце недели, в посте молясь перед образом Спаса Нерукотворного, Неронов услышал голос: «Иоанне, дерзай, и не убойся до смерти; подобает ти укрепить царя о имени Моем. Да не постраждет днесь Русь якоже и юниты [униаты]»²⁴. Вернувшись из монастыря, он рассказал об этом Аввакуму и другим боголюбцам. Было решено написать челобитную протеста самому царю. Текст петиции составили Аввакум и протопоп Даниил Костромской. Содержание протеста было очень резким: ревнители писали, что чистое христианское учение может пропасть и на Руси потому, что глава церкви, Никон, отошел от заветов православия. Царь передал петицию патриарху и, видимо, настоял на том, чтобы патриарх отложил свои нововведения. Никон отступил, но не успокоился.

Будет заблуждением думать, что несогласие между патриархом и боголюбцами было ограничено лишь деталями обряда. За сто лет до Никона умный и тактичный митрополит Макарий, действовавший от имени тоже молодого царя Иоанна IV, быстро и легко добился от Стоглавого собора унификации русского обряда и устранения разногласий о форме

²² Аввакум. С.634.

²³ Там же.

²⁴ Письмо Неронова к о. С. Вонифатьеву от 13 июля 1652, Мат., I, 99, 100; Цит. по: ЖПАИСН. С.65.

крестного знамения²⁵. А в Никоне, дорвавшемся до руководства, ревнители увидели только властолюбие и необоснованность действий, но было поздно.

3.2. Реформа или контрреформа обряда?

С.В. Санников называет Никона контрреформатором в том смысле, что он вернул русское православие к исходной форме. Он называет патриарха «реставратором православия» и утверждает, что Никон стремился «навести порядок в форме богослужения и вернуть искаженные на Руси греческие обычаи»²⁶. Того же мнения придерживаются такие официальные православные историки, как митрополит Макарий (Веретенников), С. Булгаков и М. Толстой. Но современная историография показывает, что это не совсем так.

В конце XIX века видные историки русской церкви Е. Голубинский²⁷, Н. Каптерев и специалист в области старообрядчества В. Рябушинский выяснили источники обрядовых различий. В годы принятия христианства Русью в Византии господствовали два близких друг другу, но все же отличающихся устава: на востоке — Иерусалимский (Саввы Освященного), а на западе — Студийский, или Константинопольский, устав. В Россию греки принесли последний, в то время как в Византии в XII и XIII веках преобладающим стал Иерусалимский. В начале XV века московские митрополиты Фотий и Киприан постепенно стали вводить в России устав св. Саввы, но не успели довести свою реформу до конца. Так как после 1439 года в Москве больше не было греческих митрополитов, Русская церковь так и сохранила этот переходный устав до середины XVII века, в котором более архаичные элементы устава Студийского отличали его от во всем нового греческого Иерусалимского устава²⁸.

Но, к сожалению, эта история была забыта, и греки, забывшие Студийский устав, считали старые черты русского устава русскими нововведениями. Поэтому только Восточно-Русская церковь отличалась от всего остального православного мира некоторыми деталями богослужения и при этом пользовалась так же, как и старая византийская церковь до XII века, двуперстным крестным знамением, которое греки позже, в XIII веке, заменили трехперстным.

²⁵ См.: Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. С.210.

²⁶ Санников С.В. Двадцать веков христианства. Одесса; СПб., 2001. Т.2. С.258-259.

²⁷ См.: Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1988. Т.2. С.445-453.

²⁸ См.: Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и Царь Алексей Михайлович. М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1996. Т.1. С.213-214; Голубинский Е.Е. К нашей полемике со старообрядцами. ЧОИДР, 1896. Т.1, ч.III. С.46-48; Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. С.174-175.

Таким образом, греко-византийская традиция XVII века совсем не была исходной, как ее называют многие историки и на чем настаивал Никон. Более раннего происхождения был как раз русский устав, на чем настаивали Аввакум, боголюбцы, а затем старообрядческое движение. Этого же взгляда придерживается ведущий историограф старообрядчества XX века С.А. Зеньковский.

3.3. Мотивы патриарха Никона

Насколько понимал Никон, Алексея Михайловича привлекали не тонкости обряда, а идея унификации как средство достижения полного единства православных церквей. Да и действительно, перед мысленным взором государя уже стояла Украина, а за ней — Константинополь с престолом древних благочестивых греческих царей, преемником и законным наследником которых Алексей Тишайший считал себя сам, подерживаемый и подстрекаемый в этой мысли хором придворных и приезжих.

Наивно полагать, что Никон был слепым поклонником всего западного. Выражаясь языком XIX века, среди его современников вообще редко можно было встретить «западника», народ воспитывался на идее богоизбранности Руси и ее вселенской миссии. Не раз, будучи в кружке ревнителей благочестия, от нынешнего патриарха можно было услышать, что греки и малоросы потеряли веру; крепости, добрых нравов, постоянства и благочестия у них не найти; делают то, что им по нраву.

Никон принял позицию греков лишь потому, что носил в себе навязчивую и далеко ведущую мысль: «Священство превыше царства»²⁹. Нет, он никогда не отрекался от впитанного с детства чувства гордости традициями российского православия. Но если вопрос касался первенства священства над царством, он готов был забыть все обвинения против греков, смириться с их гордыней и использовать ее для укрепления власти архиерея в России. Царь и двор хотят единства с греками — он пойдет еще дальше их, но к своей цели, и даже через голову государя!³⁰

«Реформы» Никона, ограничившиеся фактически перекройкой и унификацией обряда, и особенно его методы, ничем не оправданы. Патриарх, окруженный своекорыстными греками, уже чувствовал себя вершителем судеб всего православного мира и просто потерял голову. Грекомания³¹,

²⁹ Успенский Б.А. Избр. тр. Т.1: Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Языки русской культуры, 1996. С.225.

³⁰ Булгаков В.И., Богданов А.П. Бунтари и правдоискатели в Русской Православной Церкви. С.145.

³¹ Никон даже завел в патриаршей кухне греческую еду. См.: Павел Алепптский. IV. С.178.

комплекс неполноценности и провинциальности, желание стать «как все патриархи» — и все это, обильно сдобренное тщеславием, вызывало даже в византийцах некоторую оторопь. Константинопольский патриарх Паисий, обеспокоенный начавшейся русской смутой, писал Никону:

«Не следует думать, будто наша православная вера извращается, если кто-нибудь имеет чинопочитание несколько отличное в деталях, не являющимися ни существенными различиями, ни членами веры. Лишь бы соглашаться в важных вопросах со вселенской церковью»³².

Антиохийский патриарх Макарий говорил о Никоне своему сыну дьякону Павлу Алепптскому: «Бог да даст ему чувство меры»³³.

Таким образом, можно выделить две основные причины конфликта между Никоном и боголюбцами. Во-первых: мечты патриарха о православной империи, за что его обвиняли в папацезаризме³⁴. Отсюда воинственный настрой Никона, в то время как Б.И. Морозов и Неронов отговаривали царя от войны с Польшей, утверждая, что это нехристианское решение политической проблемы³⁵. Поэтому и Богдан Хмельницкий за спиной царя искал патриаршей помощи в объединении³⁶. Другая же важная причина — это страх Никона перед повторением в его жизни судьбы патриарха Иосифа, ставшего марионеточным главой церкви. Эта боязнь повлекла за собой единоличное, диктаторское управление, которое осуществлялось через жесткую вертикаль власти, что привело к усилению разрыва черного и белого монашества в русском православии.

3.4. Методы контрреформации

Окружение московского патриарха было явно с подмоченной репутацией. Да и нравственный авторитет греческой церкви был невысок: убийство Паисием константинопольского патриарха Парфения, переход в ислам родосского митрополита, кальвинистское исповедание веры патриархом Кириллом Лукарисом, борьба за константинопольский престол четырех одновременных вселенских патриархов и многое другое³⁷.

Методы Никона не блистали мудростью и были более чем полицейскими³⁸. На собранный им собор 1654 года были приглашены только

³² См.: Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. С.221.

³³ Павел Алепптский. III. С.138,147.

³⁴ См.: Санников С.В. Двадцать веков христианства. Т.2. С.260.

³⁵ Данный феномен пацифизма крайне необычен для менталитета средних веков. См.: Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. С.331.

³⁶ См.: Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. С.198.

³⁷ См.: Поспеловский Д.В. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР. С.88.

³⁸ Карташев А.В. Очерки истории Русской Церкви. М.: Тера, 1992. Т.2. С.160.

«нужные» люди, которые перед рассмотрением вопросов были поставлены перед фактом, что нововведения Никона одобрены царем. Реформировать, по мнению патриарха, кроме поклонов и перстосложения, следовало: время совершения праздничного богослужения, некоторые молитвы, обычаи оставлять царские врата открытыми при литургии, не полагать мощи под престолом при освящении храма, класть антими́с под покровом при евхаристии и разрешать второженцам и троеженцам петь и читать на амвоне. Таким образом, не велики были постановления собора, но и этого было нелегко добиться. Ведь решения собора показывали, что в устоявшейся русской церковной практике — о, ужас! — есть новозобретенные чины и обряды, есть уклонения от истинного благочестия. А это было немыслимо для всех боголюбцев и для Аввакума в частности. Тем более что для Никона это явно было только началом перекройки обряда.

На соборе Никон слушал только советы патриарха Макария антиохийского и все правил по его воле и по новым греческим книгам, говоря: «Я русский, сын русского, но мои убеждения и моя вера греческие»³⁹.

Правда, нашелся один человек, епископ Павел Коломенский, который осмелился публично не согласиться с мнением о поклонах, ссылаясь на какие-то старые рукописи. Но уж Никон его укротил: заточил в темницу, а потом сжег на страх всем инакомыслящим — «и наступила тишина и единение в соборе освященном»⁴⁰.

На вершине своей власти Никон добился, чтобы практически все высшие церковные иерархи были его ставленниками, а обращался с ними как с холопами. Он считал, что как Христос выше Апостолов — так патриарх выше архиереев, и как Апостол выше мирян — так архиерей превосходит простых попов и протопопов. Так, за мельчайшее покушение на свою опричнину он предавал отлучению и проклятию, нисколько не заботясь, что за бесчестье попа и дьякона, как за убийство чужой собаки, было положено платить пять рублей; так что среди дворян говорилось: «Бей попа, что собаку, лишь бы жив был, да кинь пять рублей!» К тому времени у него частенько попы и протопопы сиживали на цепи, да били их палками, морили холодом и голодом, ноги ломали дубинами, кнутами кожу сдирали, всю Сибирь страдальцами заповилили, языки урезали и в срубях живьем жгли!⁴¹

Средневековый пацифист Аввакум прямо обличал эти инквизиторские методы:

³⁹ Булгаков В.И., Богданов А.П. Бунтари и правдоискатели в Русской Православной Церкви. С.170.

⁴⁰ Там же. С.166.

⁴¹ Там же. С.189.

Чудо, как то в познание не хотят прийти: огнем, да кнутом, да виселищею хотят веру утвердить! Которые-то апостолы научили так? Не знаю. Мой Христос не приказал нашим апостолом так учить, еже бы огнем, да кнутом, да виселищею в веру приводить... Смотри, слышателю, волею зовет Христос...⁴²

Все громче кричали ревнители благочестия, что Никон недостойный патриарх. Но не было среди их голосов голоса Вонифатьева, и молчал царский дворец. Хоть и жалел Алексей Михайлович своих друзей, но против Никона не пошел. Патриарх же содрал с Неронова скуфью и, лишив священства, сослал в заточение в Спасо-Каменный монастырь. Лишил он священства и Логгина, который при расстрижении Никону в глаза наплевал, а когда содрали с него одnorядку и кафтан — он и рубаху в алтарь патриарху бросил. Даниила Никон расстриг и сослал в Астрахань, а Аввакума с женой и малыми детьми отправил на верную смерть в Сибирь.

Таким образом, как было показано выше, практически все подлинные реформы относительно литургии (единогласие), личного благочестия, просвещения и других сфер церковной жизни — целиком и полностью заслуга бурной деятельности кружка ревнителей благочестия, но никак не Никона. Следовательно, и к Расколу привел Россию не Аввакум, оказавшийся непреклонным боголюбом, а ослепленный «греческим проектом» патриарх, который легкомысленно начал нарушать «лепоту» русского богослужения как раз в то время, когда по предсказаниям «Кирилловой книги» Русская церковь должна переживать последний соблазн.

4. ОПЛОТ СТАРООБРЯДЧЕСТВА (РАСКОЛ)

Протопоп-богатырь - Аввакум.
С.А. Зеньковский

Аввакум... — сильный Христов воевода
против сатанина полка.
Дьякон Федор

4.1. Ссылка в Забайкалье

В 1653 году машина никоновских преобразований набирает ход, а с ними и репрессии. До ссылки в Сибирь Аввакум был посажен в тюрьму при Андроновском монастыре. Серьезным довеском к этим испытаниям было горькое осознание, что лучшие друзья — братья по кружку ревнителей расстрижены, сосланы или казнены, а Иван Неронов «напоследок, по многом страдании, изнемог бедной, — принял три перста... Ох, горе! Люто время...»⁴³

⁴² Аввакум. С.664.

⁴³ Там же. С.635.

В сентябре Аввакум был осужден на изгнание в Тобольск, куда он добирался со своим семейством больше трех месяцев. Поскольку его, в отличие от большинства других боголюбцев, сана не лишили (он еще пользовался особой любовью и уважением государя), архиепископ Тобольский Симеон дал ему приход. Но, заступившись за своего дьякона Антона, он не избежал конфликта с влиятельным представителем местного духовенства Иваном Струной, который в результате настроил на него своих родственников, попов и чернецов. Неизвестно чем бы кончилась эта история, если бы не указ об отправке Аввакума на Лену. Но как только он достиг Енисейска, пришел новый царский указ: воеводе Афанасию Пашкову велено было взять 600 ратников, а с ними в качестве духовника ссыльного протопопа, и ехать в отдаленную Даурию, чтобы отыскать там пашенные земли со всякими угодьями и поставить на тех местах новые остроги. Пашков отправился в 1656 году и основал на Дальнем Востоке остроги: Нерчинский, Иркутский, Албазинский (тогда территория Империи Цин) и другие⁴⁴. Воеводство его в этих бескрайних и диких местах длилось пять лет — до 1661 года.

Удивительно, сколько страданий перенес за все это время Аввакум от Пашкова, как мучил, тиранил его воевода, томил в темнице и оковах, морил голодом, холодом и тяжкими работами. Много протопоп посвятил слов своему мучителю на страницах «Жития». Вот лишь некоторые моменты этих жутких испытаний:

Он [Пашков] со шпагою стоит и дрожит: начал мне говорить: «поп ли ты или роспоп [лишенный сана]?»; и аз отвечал: «аз есмь Аввакум протопоп; говори: что тебе дело до меня?» Он же рыкнул, яко дивий зверь, и ударил меня по шоке, таже по другой и паки в голову, и сбил меня с ног и, чекан [топорик с молоточком] ухватя, лежачева по спине ударил трижды и, разболочки, по той же спине семьдесят два удара кнутом. А я говорю: «Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помогай мне!» Да то ж, да то ж беспрестанно говорю. Так горько ему, что не говорю: «пощади!»... И он паки велел бить по бокам, и отпустили. Я задрожал, да и упал... Осень была, дождь на меня шел, всю ночь под капелию лежал... И сидел до Филипова поста в студеной башне; там зима в те поры живет, да Бог грел и без платья. Что собачка, в соломке лежу: коли накормят, коли нет. Мышей много было, я их скуфьею [шапкой] бил, — и батошка не дадут дурачки! Все на брюхе лежал: спина гнила. Блох да вшей было много. Хотел на Пашкова кричать: «прости!» — да сила Божия возбранила, — велено терпеть. Перевел меня в теплую избу, и я тут с аманатами и собаками жил скван зиму всю. А жена с детьми верст с двадцать была сослана от меня⁴⁵.

⁴⁴ См.: Макарий. История Русской Церкви. Т.7. С.295.

⁴⁵ Аввакум. С.639-640.

После долгих описаний притеснений от воеводы автор «Жития» подводит скромный итог: «Десеть лет он меня мучил или я ево — не знаю; Бог разберет в день века»⁴⁶. В сущности, мучили они друг друга пять лет, но и этого, по всей видимости, было предостаточно.

Кроме страданий от Пашкова на долю Аввакума и его семьи выпало множество других мытарств, в которых он потерял двух сыновей. Красочней его самого об этих путешествиях не расскажешь.

Река мелкая, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палки большие, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокие — огонь да встряска, люди голодные: лишю станут мучить — ано и умрет! Ох, времени тому!⁴⁷

В Сибири, в сущности, и родилась слава Аввакума как героя и мученика за правду. Молва о его подвиге и стойкости распространялась по Руси, конечно, не минуя Москвы. К этому времени Никон был уже отстранен от руководства церковью, и царь, предполагая склонить мятежного протопопа милостью на свою сторону, весной 1662 года вызвал его из ссылки. По необозримым и неосвоенным просторам Руси бушевали народные восстания, а в Сибири «башкиръцы с татарами воевали тогда»⁴⁸. Около двух лет добирался Аввакум из Забайкалья, проповедуя неустанно в городах и селах, в церквях и на торжищах, и имел огромное влияние на народ.

4.2. Москва и Пустозерское «сидение»

В столице Аввакум был принят очень радушно. Царь и бояре старались переубедить его, прибегали к помощи его старых друзей, льстили ему, даже подкупали, но добились немногого — только на несколько месяцев хватило терпения стойкого старообрядца. Он не только не менял своих убеждений, но, в конце концов, разразился гневной челобитной к царю-батюшке, самовольно стал восстанавливать старые обряды и открыто проповедовать свои взгляды.

И с тех мест царь на меня кручиноват стал: не любо стало, как опять я стал говорить; любо им, как молчу, да мне так не сошлось... И мне от царя выговор был: «власти-де на тебя жалуются, церкви-де ты запустошил, поедь-де в ссылку опять»⁴⁹.

И действительно, после этого Аввакум навсегда уже потерял к себе царское благорасположение. Только благодаря тому, что среди духовных

⁴⁶ Там же. С.648.

⁴⁷ Там же. С.641.

⁴⁸ Там же. С.651.

⁴⁹ Там же. С.655-656.

детей протопопа были такие его покровительницы, как боярыни Анна Петровна Милославская, Евдокия Прокопьевна Урусова, и особенно ее сестра Феодосия Прокопьевна Морозова, которая была вхожа во дворец, заступничество царицы Марьи Ильиничны спасло в тот момент Аввакума от казни. И даже ссылки на далекий север протопоп временно избежал благодаря Неронову и его челобитной царю, написанной очень искренне и убедительно, которую и сейчас нельзя читать без волнения⁵⁰. Знал об этом протопоп-богатырь или нет, но в любом случае уже из ссылки на Мезень, куда он с семьей выехал из Москвы 29 августа 1664 года, Аввакум писал бывшему златоустовскому игумену Феоктисту: «Про все пиши, а про житие старца (Неронова) мне не пиши, не досаждай мне им: не могут уши мои слышать о нем хульных речей даже от ангела. Уж, верно, ради грехов моих в сложении перстов малодушествует»⁵¹.

Спустя полтора года, в марте 1666, Аввакум был привезен в Москву, где с февраля месяца заседал церковный собор с участием представителей восточных церквей и вселенских патриархов. После бурной полемики во время «деяний» собора Аввакум был расстрижен и посажен на цепь в Никольском монастыре на Угрехи. С середины мая 1666 года его перевозили из монастыря в монастырь, а архимандриты, архиепископы и патриархи продолжали уговаривать его покаяться и примириться с церковью, но в результате такой массивной обработки вынуждены были признать, что «тщетен труд и ждания бяше». 17 июля 1667 года был вынесен окончательный приговор собора о «расколуучителях». Текст Новгородского синодика гласит: «*Бывый протопоп Аввакум, поп Лазарь, Феодор росдиакон и соловецкого монастыря бывый чернец Епифанец развратницы правому учению, хульницы на новоисправленные книги, непокаряющиеся святому собору и пособствующие им приемлющи лжеучения их, да будут прокляти (анафема)*»⁵². Затем Аввакум и его соратники поп Лазарь и московский дьякон Федор были преданы «градскому суду» и в августе того же года сосланы в Пустозерск, в «место тундряное, студеное и безлесное». Справедливости ради следует уточнить, что на том «освященном» соборе были судимы не только три пустозерских сидельца. В результате убеждений и пыток от «старой веры» отреклись: поп Никита из Суздаля, монах Ефрем Потемкин, иеромонах Сергей, бывший смоленский протопоп — старец Серапион, подьяк Федор, иеромонах Григорий, игумен Феоктист, старец

⁵⁰ См.: Челобитная Неронова царю от 6 декабря 1664 года. Цит. по: Гусев В.Е. ЖПА-ИСН. С.19.

⁵¹ Макарий. История Русской Церкви. Т.7. С.300.

⁵² Паламарчук П. Анафема: История и XX век. М.: Сретенский монастырь, 1998. С.218-219.

Герасим Фирсов, архимандрит муромского монастыря Антоний, иеромонах Авраамий, игумен Сергей Салтыков и старец Боголеп⁵³.

Последовало пятнадцатилетнее «сидение» Аввакума в срубе и в земляной тюрьме. Однако и зарытый в мерзлую землю, лишенный самого необходимого, без книг⁵⁴, Аввакум продолжал свою деятельность, но уже в другой форме.

Из пустозерского «рва», с берега Печоры, из-за полярного круга передавались через «верных людей» пламенные наставления Аввакума на Мезень, а оттуда в Москву и, переписанные «добрым письмом», распространялись по всей Руси. Никогда раньше слава Аввакума не была так велика, а его деятельность так опасна для государственного режима, как именно теперь, когда власти сделали все от них зависевшее, чтобы заставить его замолчать. Огненные слова протопопа как искры западали в души его многочисленных духовных детей, воспламеняли тысячи и тысячи людей.

Потрясает в писательской деятельности Аввакума и то, что он и его пустозерские «союзники» противопоставили свою литературную деятельность церковно-государственной машине. В ведении Московского печатного двора были сотни людей: писатели, справщики, переводчики, библиотекари, а самое главное — мощные государственные типографии. С этой «машиной» вели бесперебойную полемику «сидельцы» во главе с Аввакумом, обратившись к испытанному дедовскому методу — традиционной на Руси переписке книг от руки. При этом основную работу по тиражированию и распространению брал на себя сам читатель.

Не без прямого воздействия пустозерских писаний началось и ширилось соловецкое восстание (в Соловках было более ста сосланных учеников Аввакума), в котором принимали участие даже некоторые разинцы. Теперь Аввакум, обращаясь к царям, не столько уговаривал их, сколько угрожал. Так, он написал молодому царю Федору Алексеевичу, что его отец — Алексей Михайлович — угодил в ад. Это напоминание было тем более многозначительным, что Алексей Тишайший внезапно умер лишь на 47-м году его жизни — ровно через неделю после взятия Соловецкого монастыря и казни его защитников, проклятый ими. Аввакум писал, что «Соловецкий монастырь сломил гордую державу» царя, ведь осада длилась почти восемь лет, и пал он только по причине предательства.

⁵³ См.: Там же. С.212.

⁵⁴ «Союзник» Аввакума Лазарь писал в челобитной царю Алексею Михайловичу: *«Книг, государь, нам не дают лет больше десяти»*. Материалы для истории раскола... Т.IV. 1879. С.224. Цит. по: Гусев В.Е. ЖПАИСН. С.20.

В довершение всего церковному собору 1681 года стали известны факты распространения и даже продажи сочинений Аввакума в самой столице⁵⁵. Последняя московская попытка в начале 1682 года, с участием спасшегося из Соловков инока Савватия, вернуть все Русское государство к старой вере окончилась провалом⁵⁶. Вскоре последовал царский указ, и 14 апреля 1682 года, за «великие на царский дом хулы», Аввакум вместе с Лазарем, Епифанием и Федором были сожжены в деревянном срубе.

Это было начало жесточайших гонений во время правительницы Софии и патриархе Иоакиме. Официальная Церковь вышла из этой борьбы с Пирровой победой. В старый обряд ушло тогда до трети всего населения страны, и это были христиане, готовые погибнуть за свои убеждения. Основной же контингент доминирующей части православия теперь составляли «бесхребетные» люди «чего изволите», не привыкшие рассуждать или вообще безразличные к вопросам веры. «В основном это уже не была Церковь борцов, что значительно облегчит Петру Великому задачу лишения Церкви последних остатков самостоятельности и подчинения ее государственному аппарату»⁵⁷.

5. АВВАКУМ — ПИСАТЕЛЬ

Люблю свой русский природный язык.

Протопоп Аввакум

...в омертвелую словесность, как буря,
ворвался живой, мужицкий, полнокровный голос.

Это были гениальные «Житие» и «Послания»
бунтаря, неистового протопопа Аввакума...

А.Н. Толстой

Личность и литературный талант Аввакума привлекали особое внимание гениальных русских писателей. Л.Н. Толстой не раз читал его «Житие» вслух семье и близким. Однажды, читая отрывки из «Жития», включенные в «Историю» С.М. Соловьева, Толстой был потрясен до слез⁵⁸. У Аввакума учился такой признанный знаток русского языка, как Н.С. Лесков⁵⁹, хотя через некоторое время он и критиковал его вслед за митрополитом Макарием⁶⁰. Ф.М. Достоевский был убежден, что никакой иностранный перевод совершенно не в состоянии передать самобытную

⁵⁵ См.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т.13. С.234.

⁵⁶ См.: Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. С.338.

⁵⁷ Поспеловский Д.В. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР. С.91.

⁵⁸ См.: Гусев В.Е. ЖПАИСН. С.49.

⁵⁹ См.: Там же. С.50.

⁶⁰ См.: Лесков Н.С. Зеркало жизни: Церковные интриганы. СПб.: Библия для всех, 1999. С.375-377.

речь «Жития»⁶¹. Тем не менее зарубежный исследователь Рудольф Ягодич писал, что Аввакум создал «один из стилистических феноменов мировой литературы»⁶², имея в виду первое, решительное и последовательное сближение двух языковых и стилистических стихий — церковно-книжной и простонародно-речевой, народно-поэтической⁶³.

По словам М.М. Пришвина, исконный русский стиль начинается от протопопа Аввакума⁶⁴, но наивно было бы полагать, что до него в русской литературе вовсе ничего не было. Несомненно, ему были близки произведения Иосифа Волоцкого⁶⁵, некоторые обличительные «слова» Даниила, особенно некоторые послания Ивана IV, а также хорошо известные ему произведения Златоуста, Сирина, Дорофея и других писателей христианского Востока, переведенные на русский язык.

Сильного эмоционального воздействия на страницах своих творений он достигает путем выделения особо драматичных мест повествования с помощью ритмической организации речи, что часто бывает подчеркнуто рифмой (чаще всего глагольной) или созвучием⁶⁶:

У церкви за волосы дерут,
и под бока толкают,
и за чепь торгают,
и в глаза плюют.

На кол было посадил,
да еще Бог сохранил.

Сидел три дни, — ни ел, ни пил⁶⁷.

Он предлагает читателю ряд ярких афоризмов, например: «*Ничто же успевае, но паче молва бывае*», «*Из моря напился, а крошкою подавился*» или «*Коли баба лиха, живи же себе одна!*»⁶⁸

⁶¹ См.: Гусев В.Е. ЖПАИСН. С.50.

⁶² Громов М.Н., Козлов Н.С. Русская философская мысль X — XVII веков. М.: Изд-во МГУ, 1990. С.237.

⁶³ Даже о возвышенных вещах Аввакум иногда говорит грубовато просто: «*молитву Исусову грызи*» или «*само Царство Небесное валится в рот*», троперстное же знамение он называл «*кукишем*».

⁶⁴ См.: Фатеев В.А. В.В. Розанов: Pro et contra. СПб.: Русский Христианский Гуманитарный институт. Т.2. С.129.

⁶⁵ А.В. Полонский называет и Никона и Аввакума наследниками Иосифа Волоцкого, имея в виду их мировоззрение. См.: Полонский А.В. Православная Церковь в Истории России (Синодальный период). М.: Со-Действие, 1995. С.13.

⁶⁶ См.: Гусев В.Е. Протопоп Аввакум Петров — выдающийся русский писатель XVII века; ЖПАИСН. С.41.

⁶⁷ Аввакум. С.635,648.

⁶⁸ Там же. С.642,645.

Последние носители идей кружка «ревнителей древлецерковного благочестия» по-прежнему считали библейскую проповедь обязательной для духовного воспитания паствы. Отсюда и «простонародный», разговорный язык и стиль сочинений Аввакума и, отчасти, инока Епифания. Поэтому язык сочинений Аввакума, который некоторые литературоведы считают новым демократическим направлением в русской литературе⁶⁹, является не чем иным, как языком церковной учительной проповеди, положенной на бумагу. Вряд ли задумывался он над своими писательскими достижениями, просто иначе излагать свои мысли в тех условиях не мог.

Все то у Христа наделано человека ради, чтоб упокоясь хвалу Богу воздавал. А человек, суете которой уподобится, дние его, яко сень, переходят; скачет яко козел, раздувается яко пузырь, гревается, яко рысь, съестъ хошет, яко змия, ржет зря на чюжую красоту, яко жребя, лукаует яко бес; насыщаяся невоздержанно, без правила спит, Бога не молит; покаяние отлагает на старость, и потом исчезает, и не вем, камо отходит: или во свет, или во тьму, — день судный явит кое-гождо. Простите мя, аз согрешил паче всех человек⁷⁰.

Перу протопопа принадлежат свыше восьмидесяти сочинений, причем подавляющая их часть приходится на последние два десятилетия его жизни. Существенно то, что произведения Аввакума представляют собой ядро всего культурно-богословского комплекса, построенного на общих моральных устоях, которым является раннестарообрядческая литература.

6. ЭКСТРЕМИСТ-ФАНАТИК ИЛИ СВЯТОЙ?

Читал весь вечер - три часа без перерыва -
«Житие протопопа Аввакума, им самимнаписанное»,
самую жизнерадостную книгу, а на тему: путь к вольной смерти!
А.М. Ремизов

6.1. Мировоззрение и богословие Аввакума

Аввакум не излагал систематично своего вероисповедания, поэтому из его трудов не всегда легко понять, каковы его взгляды по ключевым вопросам богословия.

⁶⁹ А.М. Ремизов охарактеризовал стиль «Жития» как средневековый реализм. См.: Фатеев В.А. В.В. Розанов: pro et contra. Т.2. С.450; В.Е. Гусев назвал «Житие» «многофигурной бытовой автобиографической повестью, тяготеющей в значительной мере к большой форме романа». См.: Гудзий Н.К. ЖПАИСН. С.35; Д.С. Лихачев рассматривает автобиографию Аввакума как «барочное повествование, функционирующее как ренессансный текст...». Цит. по: Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. С.326.

⁷⁰ Аввакум. С.650.

Лучшим выходом из данной ситуации представляется системный анализ письменных работ протопopa. Такое исследование «Жития» и посланий Аввакума провел В. Керов. Он отмечает, что «в целом доминирующие категории тесно сопряжены друг с другом, что свидетельствует об определенной целостности взглядов Аввакума, несмотря на их противоречивость в ряде вопросов»⁷¹.

В результате анализа подтвердилось предположение о том, что в центре конфессионально-этической системы Аввакума находились тесно связанные друг с другом сотериологическое учение и учение об «истинном благочестии». В качестве основной категории выявлена — «спасение души». Сотериологическую направленность своих сочинений и всей своей деятельности Аввакум провозглашал прямо и непосредственно: «...се ничтож. Едино спасение души — се всего важнее». Прежде всего, спасение, для Аввакума, связано с истинной верой, а также личным выбором и свободой совести. Кроме этого, путем к спасению является молитва, покаяние, страдание, благодать и таинства.

Вера «по совести», в случае необходимости выбора, по утверждению Аввакума, важнее, чем внешнее благочестие, также, впрочем, обязательное. Он считал в принципе возможным для старолюбца подвергнуться без последствий для спасения «бесовскому обряду», главное — «душа бы твоя не хотела».

Аввакум неоднократно отвергал оправдания безответственных поступков низким социальным и должностным статусом и утверждал связь персональной ответственности с личной судьбой верующих и с судьбой церкви как общности православных. Ориентация на активную духовную деятельность как средство спасения также имеет более ранние корни, в частности в работах Нила Сорского. Но у последнего эта норма распространялась лишь на духовную элиту, у Аввакума же это — элемент общеconfессионального этоса. С Аввакума начался отход от дониконовской трактовки осуществления ожидаемого («уповаемых извещение» — Евр 11.1) как осуществления ожидания. То есть на смену вере—ожиданию постепенно приходила вера—деятельность, ориентированная на активное исповедание. При этом терпение в своем действительном значении в трудах протопopa сближается не столько со смирением и кротостью, сколько со стойкостью в вере и даже противлением гонителям, то есть духовной активностью. В одном из видений Аввакума антихрист, на которого тот закричал и замахнулся посохом, возгласил:

⁷¹ Керов В.В. Опыт контент-анализа «Жития» и посланий протопopa Аввакума: К вопросу о модернизационном аспекте старообрядчества // Мир старообрядчества. № 4. С.172.

⁷² ЖПАИСН. 260.

«...Я нехотящих не могу обладать, но волею последующих ми, сих во области держу»⁷², — и пал пред протопопом ниц. Понятие о личной ответственности противоречит средневековой общинной ментальности, так же как и отрицание воздействия социального статуса на последствия решений, принятых в отношении религиозной жизни. Однако данные идеи в целом вполне соотносятся с византийской традицией.

Восприятие молитвы Аввакумом аналогично Григорию Паламе, но несколько проще — «во время молитвы, — окружит меня дух, и распространится ум, и радости неизглаголанния исполнится сердце»⁷³. Углубление религиозности и развитие активной внутренней веры сочетались у Аввакума с усилением роли

Соловецкий кремль

внешнего благочестия и канонической обрядности. Связывая канонические таинства с истинным благочестием, автор «Жития» следовал идеям «Слов на еретики» Спиридона Потемкина, провозглашавшего незыблемость обрядов — «все бо святая суть». Аввакум исповедовал это так:

...знаю, что вся в церкви, от святых отец преданная, святая и непорочная суть. Держу до смерти, яко же приях; не предлагаю предел вечных, до нас положено: лежи оно так во веки веком!⁷⁴

Старообрядцы опирались на учение иосифлян о неподчинении царям-еретикам. Тем не менее Аввакум не был сторонником теории «чувственного антихриста» западнорусского полемиста Стефана Зизания, которая нашла в русской раскольнической среде ярых приверженцев. Так, дьякон Федор, наиболее последовательно выразивший этот взгляд, называл царей Алексея Михайловича и Федора Алексеевича «двумя рогами антихристовыми». Аввакум же был согласен с Афанасием Великим, что антихрист придет из Галилеи, «а не от нашей Руси», называя Никона «шишом [лазутчиком] антихристовым», а Алексея Михайловича его «пособителем испотиха»⁷⁵. Позднее, после смерти Тишайшего государя, мятежный протопоп несколько изменил свое толкование 13-й главы Откровения, назвав рогами антихриста Никона и Алексея Михайловича⁷⁶. Тем

⁷² Там же. С.229.

⁷⁴ Аввакум. С.665.

⁷⁵ См.: Замалеев А.Ф. Лекции по истории русской философии. С.75.

⁷⁶ См.: Бубнов Н.Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII века. СПб.: Б-ка Российской Академии наук, 1995. С.295; Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. С.359-367.

самым он выгораживал молодого царя Федора потому, что до конца своих дней не терял надежды и веры в государя православного. Его взгляд правильнее всего будет назвать *эсхатологическим оптимизмом*⁷⁷. Главным для отца старообрядчества являлся в этой связи вопрос о близости Царства Божьего. Ожидание Вечного Царства, а не антихриста, должно было активизировать деятельность верующих.

В связи с богословскими изысканиями протопоба чрезвычайный интерес представляет выступление Аввакума против своего духовного сына дьякона Федора, отвергавшего плотское бытие Христа, что напоминало монофизитство⁷⁸. Аввакум резко бросился в бой, дав свое толкование троического догмата и христологии, которое выглядит явно недоработанным и двусмысленным. Протопоп, согласно определению П.А. Флоренского, погружался в «трифеизм» — лжеучение, заключавшее в себе «бессознательное выражение общего рационалистического духа, вообще свойственного расколу»⁷⁹. «Рассечение» Троицы позволяло Аввакуму наделить Христа плотью. С этой точки зрения его стремление не противоречило православию. Но он перебирал в акцентах: *вочеловечение* превращал в *очеловечение*. Христос — Бог по существу и человек по воплощению, то есть «плотоносец». Очевидно, что подчеркнутая «материализация» боговоплощения служила вполне определенной задаче — провозглашению неизменности человеческого страдания на земле. Оно, как учил Аввакум, возрастает в «последние времена», знамением коих выступает пришествие антихриста.

Обращаясь к государю, Аввакум, свято считающий Россию Божьей избранницей, зывал:

Вдохни-тко по старому... А киръелейсон-то оставь: так ельеня говорят, плюнь на них! Ты веть, Михалович, русак, а не грек. Говори своим природным языком; не унижай ево и в церкви, и в дому, и в пословицах. Как нас Христос научил, так подобает говорить. Любит нас Бог не меньше греков; предал нам грамоту нашим языком Кирилом святым и братом ево. Чего же нам еще хочется лутше тово? Разве языка ангельскова? Да нет, ныне не дадут, до общаго воскресения⁸⁰.

Как видно, вера народа и язык его для Аввакума неотделимы. Каждому народу Бог дал свой язык, и не надо, подражая «римской вере», укра-

⁷⁷ См.: Керов В.В. Опыт контент-анализа «Жития» и посланий протопоба Аввакума: К вопросу о модернизационном аспекте старообрядчества. С.180.

⁷⁸ На Руси нечто подобное монофизитству проповедовал князь-инок Вассиан Патрикеев, осужденный на церковном соборе 1531 г. См.: Замалеов А.Ф. Лекции по истории русской философии. С.73.

⁷⁹ Флоренский П.А. Столп и утверждение истины // Собр. соч. Paris: YMCA-PRESS, 1989. Т.4. С.53.

⁸⁰ ЖПАИСН. С.312.

шать его «философскими виршами», красноречием. Это считалось губительным для мистически настроенного православия, приемлющего «невежество... наипаче, нежели премудрость внешних философов». В результате Аввакум и его единомышленники приходили к полному отрицанию всякой науки и философии: отвергались и «Платон, и Пифагор, Аристотель и Диоген, Иппократ и Галин», ибо «все они мудры быша и во ад угодиша». Под презрение попадали естествоиспытатели и «зодейщики» — астрономы.

Однако было бы неверно думать, будто неприятие философии присуще исключительно идеологии старообрядчества. Это в известном смысле отличительная черта всей древнерусской духовности. В ней усматривали источник «мысленных прегрешений», ереси. У всех на устах были знаменитые слова апостола Павла: «*Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас философиею и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу...*» (Кол 2.8). При этом под философией понималась преимущественно диалектика — искусство силлогистической аргументации и риторического витийства. Был выработан даже определенный стереотип покаянного отречения от философии. Но если первоначально философия ассоциировалась на Руси с античностью, эллинизмом, то в XVII веке она, по существу, отождествляется с латинством⁸¹.

Аввакум яростно критиковал проникающую на Русь западную «фряжскую» иконопись⁸². Ее реализм он называл «плотским», поскольку ранневизантийские и древнерусские иконы несли в себе глубокий богословский смысл⁸³.

Незвизирая на все выше сказанное стоит еще раз напомнить, что, хотя Аввакум и неоднократно подчеркивает, что он «ни ритор, ни философ», а «простоец человек и zelo исполнен неведения», однако в его сочинениях просматривается довольно основательное знакомство с богословско-философской литературой. Прослеживается использование трудов Дионисия Ареопагита, Василия Великого, Григория Нисского, Иоанна Экзарха Болгарского, Филона и многих других мыслителей.

6.2. «Оптимистичный раскольник»

Современному человеку, тем более с западным менталитетом, непонятна та страсть и готовность на гибель, с какой Аввакум и другие старолюб-

⁸¹ См.: Замалеев А.Ф. Лекции по истории русской философии. С.76-77.

⁸² См.: Успенский Б.А. Семиотика истории. Семиотика культуры. С.501-502.

⁸³ См.: Трубецкой Е.Н. Смысл жизни: Умозрение в красках. Этюды по русской иконописи. М.: Республика, 1994. С.229-230.

цы защищали именно букву обряда, а не более глубокую суть, которая за этим скрывалась. Но выразить свои богословские убеждения и сомнения они не умели иначе как языком внешних форм. «В этом мятежном неустройстве — новизна Раскола. Ее не знает древняя Русь, и «старообрядец» на самом деле есть очень новый душевный тип»⁸⁴.

В характере Аввакума слиты воедино, казалось бы, несовместимые качества. Он то непреклонен и требователен, то отзывчив и уступчив; то суров и жесток, то нежен и снисходителен; то гневается и злословит, то шутит и балагурит. Чувство юмора не изменяет ему в самые тяжелые минуты жизни, но он осознает трагизм своего положения. Без ложной скромности понимает величие своего подвига, а собственные ошибки и слабости вызывают в нем жгучее чувство неудовлетворенности собою. Он — человек, не отрешенный от жизни и ее практических интересов и даже ее суеты. Аввакум — чадолюбивый отец и заботливый супруг. Он приемлет физические страдания, когда они могут принести ему духовную победу над противником, но старается избежать их, когда они не необходимы.

Протопоп воспеваает мученический подвиг своих духовных детей:

Да что-петь [ведь] делать? Пускай их, миленких! Мучася, небеснаго Жениха достигнут... Детушки миленкие мои, пострадали за Христа! Слава Богу о них!⁸⁵

Своего неисчерпаемого оптимизма Аввакум не терял даже после ужесточения режима в Пустозерске, только оптимизм этот несколько изменился. Не так давно протопоп-богатырь спасал своих злейших врагов от смерти⁸⁶, часто с неподдельным сожалением говорил о никонниках⁸⁷, заступался за неоднократно сославшего его на край света царя-батюшку⁸⁸ и утверждал: «Дьявол лих до меня, а человеки все до меня добры». А теперь с его уст все чаще слетали угрозы: «Дайте только срок собаки! Не уйдете от меня! Надеюсь на Христа, яко будете у меня в руках! Выдавлю я из вас сок-от!» Плюс к тому — богословские разногласия Аввакума с Федором, которые переросли в серьезный конфликт.

⁸⁴ Иоанн, митрополит. Самодержавие Духа. Саратов: Надежа, 1995. С.192.

⁸⁵ Аввакум. С.657,659.

⁸⁶ Аввакум спас от казаков своего мучителя Пашкова и его ратника, когда они возвращались из Даурии. См.: ЖПАИСН. С.83-84.

⁸⁷ «Простите, бартее, никоняне, что избралил вас; живите, как хотите». «Потужить надобно о них, о бедных. Увы, бедные никоняня! Погибаете от своего злаго и непокориваго нрава!» (Там же. С.85,103).

⁸⁸ «Не от царя нам мука сия, но, грех ради наших, от Бога дьяволу поущено озлобити нас, да же, искусяся ныне, вечнаго искушения уйдем. Слава Богу о всем» (Там же. С.104).

В этой ситуации протопоп повел себя со своим духовным сыном, мягко говоря, некрасиво. По его наущению дьякон был избит стражниками, с которыми Аввакум преимущественно поддерживал хорошие отношения.

А.М. Ремизов в своей статье «Воистину» писал, что Аввакум «прошел весь подвиг веры и, стражда, на цепи и в земляной тюрьме долгие годы сидя, не ожесточился на своих гонителей». Но затем, как бы пытаясь осознать происходившие в душе протопопы «вся России» перемены, Ремизов добавляет: «...Да с другого и требовать нельзя: жизнь жестокая, осатанеешь!»⁸⁹

Первыми обвинителями Аввакума в подстрекательстве к самоожжению, к которым затем присоединился стройный хор приверженцев официального православия, были, как ни странно, умеренные старообрядцы Досифей и Евфросин. И действительно, в словах протопопы какое-то болезненное умиление безумными изуверствами последователей старца Капитона⁹⁰: «...Русаки бедные, пускай глупы, рады: мучителя дождались; полками во огонь дерзают за Христа». «А в Нижнем преславно (!) бысть: овых еретики пожигают, а инии распалившеся любовью о правоверии, не дождавшеся еретического осуждения, сами в огонь дерзнувше...». Можно ли все это объяснить и оправдать загнанностью и неимоверной усталостью стареющего протопопы? Вряд ли. Но все же трудно увязать образ знакомого нам Аввакума, который, в отличие от подавляющего большинства населения России, никогда не был обуян страхом антихриста, с тем Аввакумом, что предстает перед нами в конце 15-летнего пустозерского «сидения».

Есть еще один довод. К сожалению, Пустозерский писательский архив не сохранился. Однако появление в старообрядческой письменности документов из этого архива значительно усложняет определение отношения к некоторым из них как Аввакума, так и его «соузников». Трудность состоит еще и в том, что многие из «Аввакумовых писем» хотя и действительно, быть может, принадлежат его перу, однако писались им по частным поводам многочисленным респондентам и далеко не всегда предназначались автором для широкой огласки и распространения в пропагандистских целях. Между тем частная переписка пустозерских узников нередко, в силу авторитетности ее авторов, использовалась старообрядческими книжниками для подкрепления своих личных взглядов и мнений. Мало кто из обвинителей Аввакума интересовался тем, что именно это и произошло в случае его положительного ответа на запрос

⁸⁹ Фатеев В.А. В.В. Розанов: pro et contra. Т.2. С.353-354.

⁹⁰ В Сибири еще до Раскола проповедовали самоожжение и посты до смерти некие изуверы: Капитон, Василий Волосатый и иноземец Вавила. См.: Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. С.144-155.

об отношении к самосожжению во время усилившихся гонений на старую веру осенью 1676 года. Этот документ, сохранившийся в Пустозерском архиве и затем размноженный кержаками, подкрепил ведущую пропаганду самосожжений, возведя их в радикальную старообрядческую догму⁹¹.

Но даже этот факт не снимает с Аввакума вину в «гарях». Безусловно, с его авторитетом он мог бы если не полностью остановить волну самосожжений, то, по крайней мере, предотвратить внушительные масштабы этой трагедии. Ведь только за последние десятилетия XVII века в результате массовых самосожжений погибло не менее 20 тысяч человек! И даже в 1722 году старообрядческий старец Сергей говорил: «Поистине нельзя, чтобы нам не гореть, некуда больше деться»⁹². В этих словах видно жуткое ощущение богооставленности. Мечта Раскола была о здешнем Граде, о граде земном, что представляет собой теократическую утопию. Кончается Третий Рим, а четвертому уже не быть. Это значит — кончается история; точнее, история впредь перестает быть священной, становится безблагодатной: «благодать на небо улетела». Значит, нужно уходить из истории — в пустыню, в тайгу, на костер...

Выпросил у Бога светлую Росию сатона, да же очервленит ю кровию мученическою. Добро ты, дьявол, вздумал, и нам то любо — Христа ради, нашего света, постараться!⁹³

Г.В. Флоровский метко сравнил старообрядцев (значит, и Аввакума) с русскими донатистами, обвинив их в узости кругозора⁹⁴. Да, только невежество, побуждающее принимать Россию за весь мир и загоняющее своих приверженцев в тупик, могло привести к слепой вере в красивую сказку под названием «Москва — Третий Рим». И, действительно, прав Августин: «Поле — мир, а не Африка. И жатва есть конец века, а не время Доната...»⁹⁵ Смертной хваткой вцепившись в идею русскости и обряд, с готовностью умереть за «единый аз» Аввакум сгорел в деревянном срубе. Тысячи людей добровольно последовали за ним, а церковные реформы, начатые ревнителями благочестия, захлебнулись. Варварские преобразования Никона только способствовали уходу живых и активных людей из православия. Осудивший же самого патриарха собор 1666 года окончательно сбил народ с толку.

⁹¹ См.: Бубнов Н.Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII века. С.238,298.

⁹² Полонский А.В. Православная Церковь в истории России (Синодальный период). С.14.

⁹³ Аввакум. С.657.

⁹⁴ См.: Флоровский Г.В. Пути Русского богословия. Вильнюс: Вильтис, 1991. С.73.

⁹⁵ Там же.

Таким образом, Раскол превратил официальную церковь в «министерство духовных дел православного вероисповедания»⁹⁶, затем привел к разгрому монархии⁹⁷, а следовательно, и «русской православной государственности» в начале XX века⁹⁸ и приносит свои горькие плоды даже по сей день. Виновен ли во всем этом протопоп Аввакум? — Отчасти да, как харизматический лидер и идейный вдохновитель старообрядчества. Но кто определит степень этой вины, кроме Господа Бога? А может быть, он заплатил за свой грех сполна?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несломленная религия, — религия, еще не прирученная и не переваренная Новым временем, — это пафос рабби Акивы, Игнатия Антиохийского, Кальвина и протопопа Аввакума. Мученики и гонители оказываются в одном ряду, и эти функции могут меняться. Объединяет их пламень правой веры, сжигающий наши моральные критерии.
С.В. Лезов

Вся жизнь протопопа Аввакума, исполненная страданий и лишений, поистине являла пример непрерывного апостольского служения. Для Аввакума «никониянская ересь» стала синонимом широкого пути, враждебного мира (1 Ин 2:15). «Реформы» Никона в одночасье отчуждали народ от прошлого, превращали его в безродную и слепую массу. Безысходность рождала отчаяние, а отчаяние толкало на бунт. Отчаявшимся бунтарем и был Аввакум. Он поднял знамя старообрядчества — самого мощного движения религиозного протеста в России на исходе средних веков.

Единственным мотивом для борьбы Аввакума была его несомненная преданность Господу и религиозным идеалам, как он их понимал в свете Священного Писания и древнерусской церковной традиции. Его противоречивость отчасти можно выразить следующим образом: аскетическая социальность, демократическая исключительность, протестантская ортодоксия, добродушная агрессивность и «благохитрая» искренность.

Жгучее желание Аввакума и других боголюбцев активизировать веру русских людей, сделать более интенсивной и динамичной жизнь церкви, духовенства и мирян пугало очень многих и в обществе и в церкви. Их подвели максимализм в вопросах веры и попытка оцерковления всей русской жизни. К тому же защита национальной культуры, без осмысления ее в контексте общечеловеческой традиции, чревата не только духовным консерватизмом, но и застоєм социальной жизни.

⁹⁶ Соловьев В.С. О христианском единстве. М.: Рудомино. С.209.

⁹⁷ См.: Поспеловский Д.В. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР. С.91.

⁹⁸ См.: Иоанн, митрополит. Самодержавие Духа. С.184.

Тем не менее В.С. Соловьев рассуждал о протестантской сущности русского Раскола, а сам Аввакум по своим духовным и психологическим данным и складу своего духовного дарования, несомненно, был фигурой равной по величине таким основателям церковных движений, как Лютер⁹⁹ и Кальвин.

Деятельность Аввакума, его соратников и последователей верно будет оценить как создание новой «старой веры». Важно, что в русском старообрядчестве выявились черты, в определенной степени аналогичные особенностям не только Реформационной, но и Контрреформационной западноевропейских модернизаций. Кроме того, именно в этом движении зародилась не только новая духовная, но и социально-духовная позиция личности¹⁰⁰.

Самой яркой характеристикой Аввакума без преувеличения можно назвать его живую веру в Господа Иисуса. Эта вера являлась неиссякаемой энергией для него самого и притягательной силой для его духовных детей. Для духовного пробуждения в народе он считал необходимым возродить православное богослужение в его лучших традициях. Для этой цели «патриарх старообрядчества»¹⁰¹ вводил живую проповедь Писания и, как это принято будет называть в будущем, катехизацию членов общины. При этом для размышлений о вопросах вероучения был использован простонародный, разговорный язык.

Мирян он побуждал к активной религиозной жизни, акцентируя внимание на личной духовной ответственности верующих. Ратуя за непреложность обрядов, утвержденных канонами, Аввакум демонстрировал их бесполезность и безблагодатность без участия живой веры, углубляющей личное благочестие. Его нелицеприятное мужество перед государственными и церковными иерархами сродни пророческому служению. А яркая общественная деятельность, в том числе и писательская, запечатлела его на страницах истории просиявшим факелом, на свет которого ориентировались целые поколения.

Таким образом, удивительный сплав качеств и религиозных инициатив позволяет нам называть протопопа Аввакума протестантом восточного обряда. Соединив в себе мощный закал реформатора с византийской церковной традицией, он реализовал себя на почве отечественного православия. Тем самым Аввакум стал исключительным явлением в истории Церкви.

⁹⁹ Интересное и пространное сопоставление личностей Аввакума и Лютера см.: Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. С.359-361.

¹⁰⁰ См.: Живов В.М. Разыскания в области истории и предьстории русской культуры. С.325.

¹⁰¹ Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в России в XVI—XVII веках. М.: Индрик, 2002. С.295.

БИБЛИОГРАФИЯ

Первоисточники

1. Дело о патриархе Никоне / Археограф. Комиссия по документам Московской Синодальной (бывшей Патриаршей) Библиотеки. СПб.: GИPL, 1972. — 478 с. — Репринт. изд.
2. Житие Аввакума и другие его сочинения / Сост., вступ. ст. и коммент. А.Н. Робинсона. М.: Сов. Россия, 1991. — 368 с.
3. Житие протопопа Аввакума // Изборник: Сб. произведений литературы древней Руси / Биб-ка всемирной литературы. М.: Худ. лит., 1969. — Т.15. — 800 с.
4. Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения // Гудзий Н.К. Протопоп Аввакум как писатель и как культурно-историческое явление. М.: Academia, 1934. — 520 с.
5. Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения / Общ. ред. Н.К. Гудзия. М.: Госиздат, 1960. — 479 с.
6. Лицевой летописец XVII в. / Предисл. Н.В. Покровского. СПб.: Общество любителей древней письменности, 1893.
7. Памятники истории старообрядчества XVII в. СПб.: Археогр. Комиссия, 1916. — Т.1.
8. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алепптским. М., 1898. — Вып.3.
9. Судные процессы XVII—XVIII вв. по делам церкви / Предисл. Е.В. Барсова. М., 1892. — Кн.3.

Специальная литература

10. Барсков Я.Л. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912. — 426 с.
11. Белоликов В.З. Историко-критический обзор существующих мнений о происхождении, сущности и значении русского раскола старообрядчества. К., 1913. — 52 с.
12. Бороздин А.К. Протопоп Аввакум. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. — 383 с.
13. Бубнов Н.Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. Источники, типы и эволюция. СПб.: Биб-ка Российской Академии наук, 1995. — 435 с.
14. Булгаков В.И., Богданов А.П. Бунтари и правдоискатели в Русской Православной Церкви. М.: Политиздат, 1991. — 526 с.
15. Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковно-служителей. М.: Московский Патриархат, 1993. — Т.2. — 1772 с. — Репринт. изд.
16. Быковский И.К. История старообрядчества всех согласий, единоверие, начало раскола и сектантства. М., 1906. — 144 с.
17. Варакин Д. Исправление книг в XVII ст. при патриархе Никоне. М., 1910.
18. Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т.2: Период второй, Московский. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1998. — 616 с. — Репринт. изд.

19. Григорий VII. Торквемада. Савонарола. Лойола. Аввакум: Биограф. повествования / Общ. ред. Н.Ф. Болдырева. — Челябинск: Урал, 1995. — Т.5. — 496 с. — ЖЗЛ: Биограф. б-ка Ф. Павленкова.
20. Громов М.Н., Козлов Н.С. Русская философская мысль X-XVII веков. М.: МГУ, 1990. — 288 с.
21. Дмитриев Л.А., Кочеткова Н.Д. Русская литература XI—XVIII вв. М.: Худ. лит., 1988. — 493 с.
22. Дружинин В.Г. Писания русских старообрядцев: Перечень списков, составленный по печатным описаниям рукописных собраний. СПб., 1912. — 534 с.
23. Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. — 758 с.
24. Замалеев А.Ф. Лекции по истории русской философии. СПб.: Санкт-Петербург. ун-т, 1995. — 338 с.
25. Зеньковский С.А. Русское старообрядчество (Духовные движения XVII в.). М.: Церковь, 1995. — 527 с.
26. Иоанн, митрополит. Самодержавие Духа (Очерки русского самосознания). Саратов: Надежда, 1995. — 336 с.
27. Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Сергиев Посад, 1913.
28. Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и Царь Алексей Михайлович. М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1996. — Т.1. — 524 с.; Т.2. — 547 с.
29. Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви. М.: Терра, 1992. — Т.2. — 568 с.
30. Кизеветтер А.А. Протопоп Аввакум. Ростов-на-Дону: Донская Речь, 1904. — 28 с.
31. Клибанов А.И. Русское Православие: вехи истории. М.: Политиздат, 1989. — 719 с.
32. Ключевский В.О. Курс русской истории. М.: Мысль, 1988. — Т.2. — 415 с.
33. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: Книга, 1991. — Т.2. — 536 с.
34. Лезов С.В. Попытка понимания // Избр. работы. М.; СПб.: Университетская книга, 1998. — 575 с.
35. Лесков Н.С. Зеркало жизни. СПб.: Библия для всех, 1999. — 704 с.
36. Лосский Н.О. Характер русского народа. М.: Ключ, 1990. — Кн.2. — 93 с.
37. Макарий, митрополит (Веретенников). История Русской Церкви. М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1996. — Т.7. — 671 с.
38. Максимов С. Рассказы из истории старообрядства по раскольничьим рукописям. СПб.: Изд. Д.Е. Коженчикова, 1861. — 164 с.
39. Малышев В.И. Библиография сочинений протопопа Аввакума и литературы о нем 1917—1953 гг. // Тр. отд. древнерусск. лит. ин-та русской литературы (Пушкинский дом). М.; Л.: АН СССР, 1954. — Т.10. — С.435-446.
40. Мир старообрядчества // Живые традиции: Результаты и перспективы комплексных исследований / Отв. ред. И.В. Поздеева. — М.: РОССПЭН, 1998. — Вып. 4. — 463 с.

41. Мякотин В.А. Протопоп Аввакум. Его жизнь и деятельность: Биогр. очерк. Пг., 1917. — 133 с.
42. Никольский К., протоиерей. Материалы для истории исправления Богослужебных книг. СПб., 1895. — 135 с.
43. Никольский Н.М. История русской Церкви. М.: Политиздат, 1983. — 448 с.
44. Паламарчук П. Анафема: История и XX век. М.: Сретенский монастырь, 1998. — 432 с.
45. Перевезенцев С.В. Тайны русской веры: От язычества к Империи. М.: Вече, 2001. — 432 с.
46. Полонский А.В. Православная Церковь в истории России (Синодальный период). М.: Со-Действие, 1995. — 106 с.
47. Поспеловский Д.В. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР. М.: Библейско-богословский институт св. ап. Андрея, 1996. — 408 с.
48. Пругавин А.С. Раскол и сектантство в русской народной жизни. М.: Типогр. Сытина, 1905. — 94 с.
49. Пушкарев С.Г. Обзор русской истории. СПб.: Лань, 1999. — 432 с.
50. Рябушинский В.П. Старообрядчество и русское религиозное чувство. М.: Мосты, 1994. — 239 с.
51. Санников С.В. Двадцать веков христианства. Одесса; СПб., 2001. — Т.2. — 704 с.
52. Сапожников Д.И. Самосожжение в русском расколе со второй половины XVII века до конца XVIII: Исторический очерк по архивным документам. М., 1891. — 161 с.
53. Сарафанова Н.С. Идея равенства людей в сочинениях протопопа Аввакума // Тр. отд. древнерусск. лит. ин-та русской литературы (Пушкинский дом). М.; Л.: АН СССР, 1958. — Т.10. — С.385-390.
54. Сахаров Ф. Литература истории и обличения русского раскола: Системат. указ. книг, брошюр и статей о расколе. Тамбов, 1887. — Вып.1. — 188 с.
55. Скрынников Р.Г. Святители и власти. Л.: Лениздат, 1990. — 350 с.
56. Смирнов П.С. Внутренние вопросы в расколе в XVII в. СПб., 1898.
57. Соловьев В.С. О христианском единстве. М.: Рудомино, 1994. — 335 с.
58. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1991. — Т.13-14. — 701 с.
59. Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в России в XVI — XVII веках. М.: Индрик, 2002. — 352 с.
60. Сырцов И.Я. Возмущение Соловецких монахов-старообрядцев в XVII. Кострома, 1889.
61. Толстой М.В. История Русской Церкви. СПб.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1991. — 736 с.
62. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М.: Республика, 1994. — 432 с.
63. Успенский Б.А. Избранные труды. Т.1: Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Языки русской культуры, 1996. — 605 с.
64. Устюгов Н.В., Чаев Н.С. Русская церковь в XVII веке: Сб. ст. М., 1961.
65. Фатеев В.А. В.В. Розанов: pro et contra. СПб.: Русский Христианский гуманитарный ин-т, 1995. — Т.2. — 576 с.

66. Федотов Г.П. Собр. соч.: В 12 т. Т.8: Святые Древней Руси. М.: Мартис, 2000. — 268 с.
67. Флоренский П.А. Собр. соч.: Столп и утверждение истины. Paris: YMCA-PRESS, 1989. — Т.4. — 814 с. — Репринт. изд.
68. Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Вильнюс: Вильтис, 1991. — 600 с. — Репринт. изд.
69. Шапов А. Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII. Казань, 1859. — 547 с.
70. Meyendorff P. Russia, Ritual, and Reform. Crestwood, NY: ST Vladimir's Seminary Press, 1991.
71. Obolensky D. Byzantium, Kiev and Moscow: A Study in Ecclesiastical Relations. Dumbarton: Oaks Papers, 1957.
72. Zernov N. The Russians and their Church. Crestwood, NY: ST Vladimir's Seminary Press, 1994.